

Филиппова Мария Константиновна, аспирант, обучающийся по профилю “Политические институты, процессы и технологии”, ассистент кафедры теории и истории российского и зарубежного права, ФГБОУ ВПО “Владивостокский государственный университет экономики и сервиса”.

Філіппова Марія Костянтинівна, аспірант, який навчається за профілем “Політичні інститути, процеси і технології”, асистент кафедри теорії та історії російського і зарубіжного права, ФГБОУ ВПО “Владивостоцький державний університет економіки і сервісу”.

Maria Konstantynovna Filippova, graduate student enrolled in the profile “The political institutions, processes and technologies” Department of Theory and History Assistant Russian and foreign law, VPO “Vladivostok State University Economics and Service”.

АРХЕТИПИЧЕСКОЕ КОДИРОВАНИЕ ПУБЛИЧНО-ВЛАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются современные социокультурные основы государственно-правового развития. Анализируются психосоциокультурные особенности социально-политической организации общества в данных ему пространственно-временных условиях, а также обеспечивающие устойчивость организации базовых институций, качественные свойства которых способны сохраняться в условиях трансформации. В статье представлена модель анализа социокультурной обусловленности государственно-правового развития, имеющая ряд уровней, а более детально рассматривается архетипический уровень (нравственно-когнитивные интуиции, архетипические коды, образы, символы, базовые сценарии и форы политической активности). Рассматриваются ведущие доминанты кодирования общественных отношений.

Ключевые слова: архетипы, государственное управление, политический процесс, политико-правовая организация общества, публично-властные отношения, социокультурные факторы.

АРХЕТИПІЧНЕ КОДУВАННЯ ПУБЛІЧНО-ВЛАДНОГО УПРАВЛІННЯ

Анотація. У статті розглядаються сучасні соціокультурні основи державно-правового розвитку. Аналізуються психосоціокультурні особливості

ных культурных оснований, сходных социально-правовых и этнополитических архетипов [5, с. 107]. “Покуда новая культура окончательно не “прорастет”, не завоеует социальное пространство, не приобретет нормативные и институциональные характеристики, не станет настоящим духовным (неформальным) императивом человеческого поведения, — никакие технологические или организационные изменения не впишутся органично в общественную реальность. Потому-то, в частности, “рынок, демократия и право” — лозунг наших перемен — могут остаться для России бессмысленным или содержательно извращенным знаковым рядом, если... для них нет подкрепления в том опорном духовном субстрате” [1, с. 70].

Чем больше социально-правовое взаимодействие структурируется и регулируется на основе переплетения правокультурных (архетипических) образов, представлений, идей с конкретными условиями и факторами, получая свое институционально-правовую фиксацию, прежде всего, на уровне общих политических и юридических принципов развития общественного порядка, тем больше общество приобретает чувство уверенности, национального и политического единства, упорядоченность и стабильность своего жизненного мира [10, 102]. Например, в рамках правовой регламентации общественных отношений “законодатель, “творец” правовой нормы. Должен иметь в голове образ правопорядка, прежде чем он приступит к осуществлению правотворческих задач; правоприменитель должен располагать за-

ранее установленной, хорошо ему известной нормой. Прежде чем он задастся целью привести то или иное отношение в должный порядок”, — отмечает по этому поводу Г. В. Мальцев [2, с. 27]. Как видно, все стадии взаимосвязаны, переплетены и восходят к общему правокультурному ядру нации.

Анализ последних исследований и публикаций. В современной литературе можно выделить достаточное количество работ направленных на реконструкцию правовых оснований тех или иных феноменов политико-правовой, социально-экономической и духовной жизнедеятельности общества. Как правило, в поле научной рефлексии актуализируется поиск социогенной матрицы, соответствующей определенному обществу, группе, социальному слою, которая характеризует различия в установках, поведенческих ориентирах, интересах и потребностях, ценностного мира и мировоззрения [7, с. 56]. В целом традицию исследования основ государственно-правового развития можно сгруппировать по четырем основным направлениям. Во-первых, это группа исследователей, которые анализируют политический и правовой процесс развития в структурно-функциональном плане, к таковым следует отнести работы таких авторов, как Г. Алмонд, К. Дойч, Э. Дюркгейм, Д. Истон, Г. Кельзен, К. Маркс, Р. Мертон, Т. Парсонс, П. Сорокин и др. Во-вторых, это концептуальные версии, акцентирующие внимание на институционально-нормативном кодировании государственно-правового развития принадлежащие перу таких авторов, как Х. Арндт,

М. И. Байтин, И. Н. Гомеров, А. Ф. Малый, Д. Норт, Дж. Уоллис, В. Е. Чиркин и др. В-третьих, это политические, социологические и государствоведческие учения, ориентирующие на понимание государственно-правового развития как сложной и динамической системы публично-властных отношений. Такой подход к трактовке представлен в работах Н. Н. Алексеева, П. Блау, В. Ю. Верещагина, Н. Лумана, Г. В. Мальцева, Л. С. Мамута, В. А. Подорога, О. Хархордина, Э. Юнгера и др. Наконец, в четвертой традиции политико-правовое развитие задается либо определенным типом политической рациональности (Дж. Агамбен, М. Вебер, П. Бурдьё, К. Крауч, М. Фуко и др.), либо социально-психологическими установками (Б. де Жувенель, И. А. Ильин, М. Н. Коркунов, Л. И. Петражицкий, И. Л. Солоневич и др.), либо массовым политическим образом государственно-правовой реальности (реального или виртуального), доминирующими представлениями, симулякрами, архетипическими предрасположенностями общества и т. п. (Ж. Бодрийяр, Д. В. Иванов, И. А. Исаев, Ю. Эвола, М. Элиаде, Ж. Эллюль и др.), организующие социально-политическую мыследеятельность актеров и процессы институционализации публично-властного пространства. Кроме того, целый ряд современных исследований в последнее время посвящены государственно-правовой эволюции, развитию различных форм политико-правовой организации, отдельных властных институций и практик в рамках конкретной социокультурной среды.

Однако эти фундаментальные разработки, теоретико-методологические новации, сформулированные тренды развития публично-властных отношений довольно редко подвергаются анализу действующих государственно-правовых систем и перспектив их трансформации с учетом социокультурного кодирования их эволюции. Все это требует комплексного исследования оснований государственно-правового развития с учетом социокультурных факторов и направлений ее трансформации.

Формулирование целей статьи.

С учетом анализа и теоретико-методологических разработок, можно утверждать, что целью данной исследовательской работы, является рассмотрение процессов трансформации современной (постсоветской) государственности, равно как и правовой культуры общества, которая имеет свою специфику и закономерности. Несмотря на все катаклизмы и исторические повороты в их развитии политико-правовая эволюция протекает с учетом, в соответствии с собственной “матрицей развития” и особенностей отечественной культурной модели, поддерживаемой неосознанными культурными кодами (архетипами), определяя тем самым отношение личности к праву и иным явлениям социально-юридической действительности, поведенческо-правовую и психолого-правовую самореализацию индивида [6, с. 35]. Данная теоретико-методологическая ориентация в исследовании правовой культуры общества основана на системном анализе всех факторов и закономерностей развития конкретной правокультурной среды. При

этом главным становится анализ поведенческих образцов (культурных моделей) и клеше, а также стереотипов мышления, характерных для представителей определенной культуры [1, с. 49]. В этом контексте справедлива позиция Сепира, которую он озвучил на конгрессе Британской ассоциации этнографов, согласно которой культура на социально-психологическом уровне навязывает определенные стили мышления и поведения, включая типичные ритуалы и символы, даже позы и жесты [3, с. 49–50].

Изложение основного материала. Чрезвычайно важной задачей для современного обустройства политико-правовой сферы, равно как и экономической, культурной, духовно-нравственной, становится реконструкция инвариантных моделей и институций, технологий и средств социально-правовой организации [9, с. 31]. Не менее важным, впрочем, остается и вопрос о том, что действительно подвергается качественному изменению, на основании чего они протекают и для каких целей осуществляется ресурсная и организационно-административная поддержка последних. Несомненно, в обществе как взаимосвязанной совокупности, системе отношений могут проявляться и развиваться те или иные свойства индивидов, которые в повседневной практике не раскрываются вовсе или раскрываются частично.

Главное в том, что никаких новых свойств национальной психологии жизнедеятельность общества не может породить, она может лишь способствовать более или менее пол-

ному выявлению того, что в этой психологии есть изначально [8, с. 409]. В этом контексте актуальность и востребованность исследований национальных доминант политико-правового развития российского общества, которые стали определяющими для государственно-правовой традиции и продолжают оказывать достаточно значимое влияние на организацию социально-правового и этнополитического взаимодействия государства, общества, личности и на сам ход модернизационных процессов, трудно переоценима. Кроме того, формирование оптимальной модели функционирования государства и права, их развитие и совершенствование зависит в конечном итоге от того, насколько данная национальная модель будет приспособлена к требованиям современных вызовов и условий, относительно открыта общемировым перспективным инновациям, но в тоже время черпать свою идентичность (“национальную самость”) и стабильность в отечественной государственно-правовой традиции. В силу этого одной из приоритетных задач является сохранение своих (национальных) архетипических доминант (культурных кодов) политико-правового развития, защиты своих глубинных национальных интересов, восстановления и воспроизводства идентичности нации, сопровождающиеся необходимостью создания адекватной последним общенациональной идеологии и реализации соответствующей правовой политики.

Следует отметить, что архетипические темы и сюжеты в развитии политического процесса и публич-

но-властного управления можно выявить и выделить, как неизменные доминанты конкретно-исторической трансформации последних, присутствующие на всех этапах социокультурной трансформации, несмотря на различные повороты в эволюции общественной системы. Несмотря на то, что конкретное содержание публичного управления и политического процесса в целом, их институционально-нормативная конфигурация, процессуальные и деятельностные аспекты могут сильно вибрироваться, тем не менее, архетипическая форма их развития сохраняется и воспроизводится из поколения в поколение.

В теоретико-практическом плане, возникает вопрос о соотношении архетипического кодирования правокультурного развития и непосредственно политико-правового опыта нации, складывающегося из внутреннего правового и политического процесса, а также в контексте сравнительно правовых исследований, т. е. теоретических доктрин и непосредственной практики реализации. Отвечая на вопрос соотношения архетипа и конкретного опыта, К. Юнг отмечает, что существует системная взаимосвязь между ними.

Иначе говоря, подобное взаимодействие представляет собой систему обратной связи — повторяющийся опыт формирует определенные бессознательные (коллективные) факторы и доминанты взаимодействия, которые становятся архетипическими структурами или культурными кодами (архетипами) развития народной души (структуры психики) и деятельности (формы и модели взаимодействия). В тоже время

эти архетипические структуры влияют на наши представления и опыт, стремясь организовать их в соответствии с уже существующими моделями (например, модели восприятия и оценки взаимодействия в системе личность — общество — государство, что и формирует неповторимость и специфичность национальных политико-правовых процессов, влияет на кристаллизацию определенного цивилизационного типа государства, правовой системы и т. д.).

Из этого теоретического положения можно сделать ряд практических выводов, имеющих существенное значение для темы исследования:

– во-первых, архетипические структуры и модели — это кристаллизация политико-правового и управленческого опыта с течением времени, фиксирующие базовые сценарии юридического и политического мышления, режимность взаимодействия между личностью, обществом и государством, формообразующие тенденции в институционально-правовой организации социума;

– во-вторых, данные структуры и модели сосредотачивают опыт в соответствии с врожденными схемами и санкционируют последующий опыт, “делают” право, власть, политику, управление сопричастным бытию культуры, национальному мироощущению и самосознанию, а также направляют развитие правовой жизни общества в соответствии с архетипическими образами и доминантами;

– в-третьих, образы, представления, система ценностей и оценочных характеристик, происходящие из архетипических структур, вовлекают нас в поиск аналогий в окружа-

ющем мире. Взаимодействие между этими врожденными структурами и окружающей нас политико-правовой действительностью приобретает положительное или отрицательное (правовой нигилизм, правовая аномия и т. п.) значение в зависимости от того, насколько удачно, адекватно соответствие между ними.

Отметим еще одно важное теоретико-методологическое замечание, которое делает К. Юнг. Так, с его точки зрения теория архетипа предполагает две исследовательские стратегии. Во-первых, исследование архетипов может идти по пути вниз и тогда в поле научной рефлексии входят вопросы этнологии и биологии, ставящие целью познание — что значит быть человеком. Во-вторых, исследование архетипических структур направлено на реконструкцию и анализ мира духовности, это анализ восходящий вверх, т. е. что есть человеческая организация.

Таким образом, эвристическая ценность понятия архетип заключается в том, что в нем отражаются исторически сложившиеся, наиболее влиятельные и устойчивые структуры национального сознания, чувства, поведения. В связи с этим он высвечивает социально-культурные условия, создающие мотивы поведения, а также опосредует систему представлений и стиль мышления людей. Неслучайно, исследуя специфику и закономерности эволюции конкретного общества (этнической группы), тенденции институционального оформления социально-экономических, политических, правовых и иных взаимодействий многие ученые ссылаются на национальный характер.

При этом, содержательно раскрывая сущность этого абстрактного понятия, отмечают, что в его основе лежит некоторый устойчивый набор образов, символов, идей и т. д. Причем появление в сознании каждого носителя культуры этих символов, идей, образов приводит в движение всю связанную с ними гамму чувств, эмоций и когнитивных готовностей, являющихся импульсом к более или менее типичному действию, взаимодействию.

Отсюда полагается, что архетип передается человеку по наследству, в качестве культурного кода (искусственного по своей природе, в отличие от природного — генетического кода, регулирующего взаимодействие в природной среде) от предыдущих поколений, существует в его сознании на невербальном уровне. В свою очередь ценностная структура личности “погружена” в ее архетипы, а те элементы, которыми личность соприкасается с окружающим миром — “типичные действия” — и составляют ее этнический (национальный) характер, лежащий в основании характера индивидуального. Следовательно, делает вывод К. Касьянова, архетип неразрывно связан с ментальностью, с процессами социализации, выступая основанием и перспективой развития культуры, т. е. неотделим от исторического процесса. Он первичен и по отношению к социализации индивида, и к процессам институционализации, поскольку архетипические коды культуры “требуют” своего закрепления в символизации и социальных институтах.

Взятый в соотношении с правовой культурой общества архетип

сохраняет неповторимость государственно-правовой традиции при всех, казалось бы, глобальных трансформациях юридико-политической организации общества. Он существенно влияет на адаптацию внешних политических и юридических институтов к национальной системе условностей, образов, неформальных правил и моделей поведения и взаимоотношения.

Следовательно, правовым архетипом является осознанный и преемственно воспроизводящийся из поколения в поколение первичный правовой и политический идеал, возведенный посредством духовно-нравственных норм и приоритетов в правокультурный или социально-политический канон развития, обуславливающий ценностную систему и социально-правовой кодекс (типизированный шаблон) социально-правового взаимодействия в системе личность—общество—государство. При этом этот первичный правовой идеал передается от одного поколения к другому в качестве неосознанного праидеала властно-правовой организации общества, принимающего активное участие в формировании и организации государственно-правовой жизни общества в соответствии с новыми потребностями и задачами.

В свою очередь, привлечение категории “архетип” в контекст современных политических и юридических исследований имеет достаточно высокий эвристический потенциал, поскольку способствует выявлению и анализу: во-первых, социокультурных факторов, обеспечивающих устойчивость национальной государственно-правовой традиции, меха-

низмов преемственности в государственно-правовой эволюции нации; во-вторых, душевно-эмоционального склада, имеющего свое содержательное выражение в строе чувств, мыслей, верований, убеждений, ценностей; в-третьих, культур цивилизационных пределов и перспектив тех или иных институциональных новаций в государственно-правовой организации общества.

Обобщая практику государственно-правовой трансформации постсоветских государств можно выделить несколько стратегий качественного изменения политико-правовой организации. Причем данные трансформационные стратегии представляют несколько политико-идеологических проектов обновления российской правовой системы. Первая стратегия отражает направленность всей правовой политики государства, равно как и всех общественных институтов, на развитие и институционализацию универсальных ценностей либеральной демократии. Трансформационный вектор в данном случае направлен на копирование западно-европейского образца социальной, политической, правовой и экономической организации. В контексте данного трансформационного проекта всякая традиционная идентичность граждан, национальная система ценностей, аксиомы правового сознания, доминанты развития правовой культуры общества нивелируются и замещаются теоретически сформулированными западными идеалами, интерпретируемыми в качестве универсальных, общечеловеческих. Вторая стратегия направлена на адекватную фиксацию на

институционально-правовом уровне правокультурных форм и моделей взаимодействия, исторически сложившихся в системе личность – общество – государство, на охрану духовно-нравственных и иных культурных доминант в развитии общественного единства и порядка.

Общие выводы. Насколько бы масштабными не были трансформационные процессы, влекущие за собой формирование новых публичных институтов, становление новейшей нормативно-структурной конфигурации, обуславливающих и новые принципы легитимации, в конечном итоге они приводят к тому, что “новоиспеченные” институциональные режимы либо приспосабливают к себе традиционные формы и способы социально-правового взаимодействия, либо вообще полностью усваивают последние, не меняя принципиально сам характер и содержание этих процессов, либо новый институциональный порядок вообще искажается до неузнаваемости, сталкиваясь с традиционным контекстом.

Таким образом, любая эволюция правой культуры общества располагается, протекает в определенных, архетипически заданных пределах. Восприятие нового политико-правового или институционального опыта, получаемого нацией в те или иные переходные (трансформационные) периоды осуществляется сквозь призму преемственно-воспроизводимых эмоционально-психологических готовностей и когнитивных клише, адаптируются и применяются согласно сложившемуся стилю правового мышления, воспроизводятся в практике (в повседневном правовом

поведении граждан) в соответствии с базовыми формами, режимами и моделями социально-правового взаимодействия. Поэтому существующую правовую реальность, более того правовую культуру общества нельзя рассматривать как результат только рационально-волевых усилий, причем какого-то одного поколения. Она формируется и развивается вместе с формированием и развитием общества, имеет схожие закономерности, принципы и специфические черты. Следует каждый этап развития правовой культуры рассматривать как относительно самостоятельный, цельный (в социокультурном смысле) этап развития общества, с другой стороны, следует констатировать целостность национально-правовой эволюции, поддерживаемой архетипическим ядром (правокультурными кодами и доминантами развития) общественной системы, несмотря на все неожиданные повороты в исторической судьбе национального государства и права.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейших исследований. Представленный анализ основ архетипического кодирования публично-властного управления позволяет в дальнейшем осуществить комплексное рассмотрение специфики (современные классические, нетипичные, смешанные формы и технологии властно-управленческой деятельности) социокультурной легитимации национальных политических институтов, влияние формальных и неформальных (теневых, внеправовых, скрытых и др.) факторов на трансформацию современной публично-властной организации и

эволюцию идейно-государственной доктрины, конкретно-историческое функционирование публично-властных институтов. На основании этого следующим необходимым шагом является формулирование приоритетов государственной политики в сфере устойчивого развития публично-властной организации в XXI веке и осуществить политическое моделирование проектов социально-политической интеграции на национального политического пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ —

1. *Мостовая И. В., Скорик А. П.* Архетипы и ориентиры российской ментальности / И. В. Мостовая, А. П. Скорик // Политические исследования. — 1995. — № 4. — С. 49.
2. *Мальцев Г. В.* Социальные основания права / Г. В. Мальцев. — М., 2007. — С. 27.
3. *Мид М.* Культура и мир детства / М. Мид. — М., 1988. — С. 49–50.
4. *Мамычев А. Ю.* Архетипические и социокультурные основы правоприменения и правовой политики российского государства / А. Ю. Мамычев, А. И. Овчинников, Д. И. Мамычев. — Владивосток, 2015. — С. 156.
5. *Юридические* архетипы в правовой политике России / [А. И. Овчинников, А. Ю. Мамычев, А. В. Манастырный и др.]. — Ростов н/Д, 2009. — 107 с.
6. *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор / К. В. Чистов. — М., 1986. — С. 35.
7. *Штопка П.* Социология социальных изменений / П. Штопка. — М., 1996. — С. 56.
8. *Шюц А.* Методология социальных наук / Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. — М., 2004. — С. 489.
9. *Hoppe R.* Cultures of Public Policy Problems / R. Hoppe // Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice. — London: Taylor & Francis, 2002. — № 4. — P. 31.
10. *Geddes A., Favell A.* The Politics of Belonging: Migrants and Minorities in Contemporary Europe / A. Geddes, A. Favell. — Aldershot: Ashgate, 1999. — P. 102.